

ПАРАДОКСЫ КОММУНИЗМА.

*« La communauté est le terme fatal du socialisme!
Et c'est pour cela que le socialisme n'est rien, n'a
jamais rien été, ne sera jamais rien; car la communauté
c'est la négation dans la nature et dans l'esprit, la
négation au passé, au présent et au futur. »*

PROUDHON.

Соціалізмъ скомпрометированъ русскимъ коммунизмомъ. Русский опытъ долженъ былъ бы произвести революцію въ социалистическихъ умахъ, но это не такъ легко: нѣтъ умовъ болѣе косныхъ, инертныхъ, рабски подражательныхъ, лишенныхъ инициативы. И это понятно: социализмъ есть «опіумъ для народа» и онъ погружаетъ въ догматическій сонъ, усыпляя разумъ и совѣсть. Анулировать русский опытъ и постараться ничему не научиться — можно двумя путями: или утверждать, что коммунизмъ не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ, или утверждать, что въ Россіи коммунизма никогда не было.

Первый путь философски безсмысленъ, ибо идеаль социализма есть коммунизмъ. Платонъ, впервые показавшій неумолимо предѣльную идею коммуны, былъ философскимъ отцомъ социализма, которому подражали всѣ социалисты. Социализмъ есть умаленный коммунизмъ, «меньшевизмъ». А такъ какъ русский народъ во всемъ доходитъ до предѣла, то онъ и предпочелъ испытать «большевизмъ», а не «меньшевизмъ».

Но единство социализма и коммунизма доказывается опытомъ жизни, помимо всякихъ философскихъ соображеній: «единство пролетарскаго фронта» утверждается

вовсе не одними только русскими коммунистами. Если совѣтскій коммунизмъ въ своихъ дипломатическихъ успѣхахъ опирается на поддержку всѣхъ социалистическихъ партій Европы, то и социализмъ европейскій опирается на существованіе большого социалистическаго государства, и знаетъ, что величайшимъ ударомъ для всѣхъ социалистическихъ партій міра было бы сверженіе коммунизма русскими рабочими и крестьянами. Поэтому сколько бы не осуждали социалисты всѣхъ странъ и всѣхъ толковъ «диктаторскіе террористическіе методы большевиковъ», — все же принципиальное единство коммунизма и социализма никогда не можетъ быть ими отрицаемо. Доказательствомъ тому является резолюція Марсельскаго Конгресса Социалистическаго Интернаціонала 1925 г. по русскому вопросу: «Интернаціональ снова заявляетъ со всею рѣшительностью, что обязанностью всѣхъ социалистическихъ партій... является борьба противъ всякой агрессивной политики, направленной противъ С. С. С. Р. и содѣйствіе установленію мирныхъ политическихъ и хозяйственныхъ отношеній съ Совѣтскимъ Союзомъ. Конгрессъ привѣтствуетъ улучшение международнаго положенія С. С. С. Р. и констатируетъ «устраненіе дипломатическаго бойкота, который хотѣли на-

ложить на Совѣтскую Россію *капиталистическія государства*. Такимъ образомъ, Совѣтская Россія противопоставляется, по мнѣнію социалистическаго Интернаціонала, всѣмъ капиталистическимъ государствамъ въ качествѣ единственнаго социалистическаго. Отчетъ Англійской делегаціи и отношеніе англійскихъ рабочихъ организацій къ Совѣтской Россіи есть мощное подтвержденіе «единства пролетарскаго фронта».

* * *

Было ли коммунизмомъ то, что происходило въ Россіи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы возьмемъ коммунизмъ въ самомъ подлинномъ, предѣльномъ его выраженіи, *въ его идеѣ*. Платонъ былъ истиннымъ законодателемъ социализма и коммунизма, навѣки декретировавшимъ его содержаніе. Въ его государствѣ нужно искать смыслъ и сущность всякаго социализма въ его предѣлѣ, и страннымъ образомъ онъ же помогаетъ намъ уразумѣть смыслъ той безсмыслицы, которая творилась въ Россіи.

1. Коммунизмъ есть законничество, декретизмъ — всепроницающее регулированіе нормами. Гражданинъ ваяется закономъ, какъ статуя рѣзцомъ и нѣтъ никакихъ частей тѣла и души, которыя оставались бы неприкосновенными для этого рѣзца.

2. Коммунизмъ есть *этатизмъ*, политизмъ: все концентрируется въ рукахъ государства, общины, коммуны: жизнь, собственность, семья, религія, искусство.

3. Все частное право поглощается публичнымъ правомъ. Платонъ не знаетъ субъективныхъ правъ, непроницаемыхъ для коммуны.

4. Платонъ, какъ и Ленинъ, врагъ демократіи и всякой свободы: демократія можетъ отмѣнить социализмъ, если социализмъ во время не отмѣнитъ демократію.

5. Коммуна организуется и управляется сверху, олигархически, «философами» компартіи, созерцающими истинныя идеи.

6. Коммуна охраняется «стражами», которые должны быть злы, какъ сторожевые псы — это Чека и въ ней, по мысли Платона, участвуютъ и женщины.

7. Коммунизмъ есть по существу своему военный коммунизмъ и строится какъ казарма. Совѣтскія столовки съ оловянными чашками имѣли своимъ прообразомъ спартанскія сисситіи, увлекавшія Платона.

8. Подобно современному социализму, Платонъ не зналъ, что дѣлать съ крестьянами: онъ колебался между коммунизмомъ земледѣльцевъ и оставленіемъ имъ частной собственности на землю подъ контролемъ «стражей» и правителей философовъ. Современный социализмъ ни на шагъ не продвинулъ рѣшеніе этой проблемы.

9. Платонъ признавалъ только коммунистическое воспитаніе (комсомоль), только коммунистическую поэзію и только коммунистическую музыку (никакой меланхолии, только бодрый національ!). Не коммунистическіе поэты изгонялись.

10. Платонъ уничтожалъ бракъ и семью, что остается постояннымъ идеаломъ для русскаго коммунизма, тщетно бьющагося надъ рѣшеніемъ этой проблемы.

11. Платонъ зналъ, что коммунизмъ можно осуществить только насильственно, революціонно, посредствомъ преступленія. Онъ предлагалъ перерѣзать всѣхъ старше 14-ти лѣтняго возраста и воспитать новыя поколѣнія въ духѣ коммунизма.

Вотъ гдѣ настоящая «жизненная драма Платона»: онъ хотѣлъ добра, но не зналъ, что добро, декретированное съ предѣльной насильственностью, превращается въ абсолютное зло. Драма Платона есть драма всего дохристианскаго и внѣхристианскаго міра: драма закона, фарисейства, безблагодатнаго законничества.

Безблагодатное законничество и *политизмъ* всегда въ исторіи расцвѣтали, когда увядала христианская жизнь: такъ было въ эпоху ренессанса, когда явились подражатели Платона, которые сохранили и оживили его «утопію» и, передавая ее изъ рукъ въ руки, донесли до нашихъ дней. Но античная религія «законовъ» умерла, античный мистическій идеализмъ угасъ и остался жалкій продуктъ безрелигіозно — корыстной души XIX вѣка, носящій названіе «экономическаго материализма». Его идеаль есть «государство свиней», а не государство людей — такъ Платонъ называлъ государство, ставящее своей цѣлью всеобщую сытость и утерявшее всякую связь съ міромъ идей. Марксъ былъ тѣмъ, кто довершилъ окончательный разрывъ коммунизма со всякимъ «міромъ идей». До него всѣ социалисты были болѣе или менѣе идеалистами. Онъ былъ тѣмъ Прометеемъ, который рѣшилъ предоставить «небо воробьямъ», а самому ползати по землѣ и жалить своихъ враговъ въ пятю.

Въ такомъ видѣ мы, русскіе, получили

извращенную утопію Платона. Мы получили ее съ Запада со всѣми отбросами денационализированной цивилизации: съ экономизмомъ, съ матеріализмомъ, съ этикетомъ «научности», съ классовой ненавистью, съ интернаціоналомъ. Платонъ, конечно, богъ философіи. Но чѣмъ прекраснѣе богъ, тѣмъ смѣшнѣе и презрѣннѣе обезьяна бога. И она особенно смѣшна, когда одѣта въ полный европейскій костюмъ.

Пусть же Западъ и русскіе западники не отказываются отъ своихъ обезьянъ, ибо *не русскій* человекъ «обезьяну выдумалъ». Нѣтъ ничего болѣе противнаго для русскаго человека, какъ законничество, декретизмъ, комиссариатъ и бюрократія, составляющіе сущность социализма, нѣтъ ничего болѣе чуждаго и неумѣстнаго на фонѣ русской природы, ея лѣсовъ, полей и деревень, какъ эти красныя тряпки, и звѣзды, и лозунги. Для социализма нужна каменистая почва лондонскихъ или парижскихъ предмѣстій; въ русскомъ черноземѣ онъ не пускаетъ ростковъ, а лишь перегораетъ въ немъ, какъ падалъ или навозъ. И пусть этотъ навозъ завалилъ всю русскую землю, не надо землетрясенія, чтобы его стряхнуть: русская земля все растворитъ и переработаетъ тихо и незамѣтно, себѣ на пользу.

Марксизмъ не нуженъ для крестьянства и крестьянство всегда было не нужно для марксизма. Русская поэзія, русская музыка, русскій языкъ отказываются вмѣщать марксизмъ. Какъ тутъ быть? Пришлось измѣнить языкъ, переименовать города и даже переименовать Россію.

* * *

Итакъ, гдѣ же коммунизмъ въ Россіи? Покажите его намъ, его нѣтъ нигдѣ! Да, нигдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ. Это таинственное свойство Томасъ Моръ выразилъ словомъ «Утопія», т. е. то, что не существуетъ нигдѣ, что не годится никуда, пустое мѣсто, ничто. Пустоту нельзя осязать, она нереальна, но очень реально *опустошеніе*. И вотъ коммунизмъ, не находя себѣ нигдѣ мѣста и нигдѣ не воплощаясь реально, метался по русской землѣ, опустошая лѣса и поля, села и города; и это опустошеніе вполне наглядно и для всѣхъ очевидно. Стремясь «войти въ жизнь» коммунизмъ вытѣснялъ жизнь и сѣялъ смерть, ибо гдѣ есть коммунизмъ, тамъ нѣтъ жизни, а гдѣ есть жизнь, тамъ нѣтъ

коммунизма. Россія умирала поскольку соблюдала коммунистическіе декреты, и жила поскольку ихъ нарушала. Мы ѣли хлѣбъ, ѣли соль, передвигались, занимали квартиры, продавали и покупали, дышали и жили въ *нарушеніе* декретовъ коммунизма, а коммунизмъ, запрещая свободу торговли, свободу передвиженія, свободу совѣсти, свободу слова, свободу союзовъ, дѣлалъ всякую *жизнь* подпольной и преступной дѣятельностью. Это былъ самый настоящій, самый подлинный коммунизмъ, изготовленный фармацевтами социализма по рецептамъ Маркса и Энгельса. Кто однажды жилъ и дышалъ этой атмосферой (вѣрнѣе, задохнулся въ ней) тотъ не забудетъ никогда и нигдѣ особый запахъ этихъ ядовитыхъ газовъ, этой страшной тлетворности, вызывающей духовную рвоту. Можетъ ли каждый русскій не узнать этотъ знакомый «духъ», который чуть его не удушилъ? Каждая строка Маркса и Энгельса издаетъ этотъ запахъ; имъ отравлены всѣ рѣчи, всѣ писанія социалистовъ. Можетъ ли насъ, русскихъ, интересовать, когда новые фармацевты увѣряютъ насъ, что доза «опіума» была слишкомъ велика, или когда предлагаютъ тотъ же ядъ съ примѣсью другихъ полезныхъ вещей, напр. сахарной воды?

Нѣтъ, русскій коммунизмъ былъ подлиннымъ коммунизмомъ и въ своемъ наступленіи и въ своемъ отступленіи: онъ оставался вѣренъ себѣ въ своей борьбѣ съ иррационально-свободной и творчески-непокорной жизнью. И если геній коммунизма изобрѣлъ НЭП, «новый экономическій принципъ» — *свободу торговли*, — то это простое отступленіе коммунизма, отѣсненнаго жизнью, при которомъ онъ не перестаетъ быть непріателемъ жизни и угрозой для свободы. Несовмѣстимость коммунизма и жизненной свободы выступаетъ у насъ въ Россіи особенно ясно именно потому, что мы имѣли самый подлинный и радикальный коммунизмъ. Ядъ извергается или перерабатывается организмомъ именно потому, что онъ есть настоящій ядъ. Въ силу этого русскій опытъ коммунизма остается обязательнымъ для всякаго социалиста. Требовать отъ насъ еще большей вѣрности социализму и коммунизму, чѣмъ та, какую мы проявили, — значитъ требовать гибели всего русскаго народа.

* * *

Откуда явилось странное мнѣніе, что

коммунизмъ и социализмъ есть *борьба съ капитализмомъ* и уничтоженіе того зла, которое существуетъ въ капитализмѣ?

На самомъ дѣлѣ коммунизмъ есть *предѣлъ* капитализма и возведеніе въ предѣльную степень того зла, какое Марксъ ставилъ въ упрекъ капитализму:

Капитализмъ обращаетъ *многихъ* въ пролетаріевъ, въ рабочихъ и съ развитіемъ своимъ все большее количество хозяевъ дѣлаетъ рабочими — коммунизмъ обращаетъ *всѣхъ* въ рабочихъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто властвуетъ надъ рабочими.

Капитализмъ дѣлаетъ свободу договора для рабочаго *минимальной*, почти иллюзорной — коммунизмъ ее *уничтожаетъ совсѣмъ*.

Капитализмъ отнимаетъ орудія производства у *многихъ* и сосредоточиваетъ ихъ въ немногихъ рукахъ — коммунизмъ отнимаетъ орудія производства у *всѣхъ* и сосредоточиваетъ въ единыхъ рукахъ.

Капитализмъ уничтожаетъ въ значительной степени быть, религію, семью (какъ на это злорадно указывалъ Марксъ) — коммунизмъ отрицаетъ быть, религію, семью *совсѣмъ*.

Капитализмъ поглощаетъ автономію *многихъ* частныхъ хозяйствъ. Коммунизмъ уничтожаетъ автономію частнаго хозяйства *совсѣмъ*.

Коммунизмъ есть монополичный и суверенный капитализмъ, въ которомъ права новыхъ «хозяевъ» безконечно увеличились, а права рабочихъ безконечно уменьшились. Они собственно равны нулю: ибо раньше рабочіе имѣли право забастовать или перейти къ новому хозяину — теперь это невозможно. Прежніе хозяева властвовали *экономически*, но не политически: они не могли судить, управлять, законодательствовать; новые хозяева — дѣлаются носителями экономической и политической власти, безконечно болѣе абсолютной и всеобъемлющей, чѣмъ власть помѣщика надъ крѣпостными. На нихъ некому жаловаться и отъ нихъ некуда уйти. Положеніе рабочихъ и крестьянъ безмѣрно ухудшается, ибо возможность эксплуатаціи безмѣрно увеличивается. То, что новые хозяева пріобрѣли власть не наслѣдованіемъ и не накопленіемъ, какъ старые, а насиліемъ и захватомъ (революціоннымъ путемъ), нисколько не свидѣтельствуетъ о ихъ гуманности, а скорѣе говоритъ о жестокости, склонности къ преступленію и тираніи. То, что новый тиранъ обѣщаетъ возставшимъ рабамъ при сверженіи

стараго тирана, всегда имѣетъ мало цѣны.

Здѣсь надо искать объясненій того, откуда возникло странное мнѣніе, что коммунизмъ есть «борьба съ капиталомъ». Остроумная демагогическая подмѣна понятій: коммунисты искренно ненавидятъ *капиталистовъ*, но не *капиталь*; и именно потому ненавидятъ капиталистовъ, что любятъ капиталъ. Капиталь есть экономическій фундаментъ коммунизма, который нуждается въ его накопленіи и концентраціи. Однако, новые капиталисты не любятъ именоваться капиталистами и это не только въ томъ смыслѣ, въ какомъ Робеспьеръ не любилъ именоваться тираномъ: нѣтъ, скромныя права «буржуазіи» слишкомъ ничтожны для этого сувереннаго положенія: «капиталистъ» означаетъ ограниченную, только экономическую силу — здѣсь же власть неограниченная: экономическая и политическая, необычайная гипертрофія власти, невѣдомая никакому историческому государству!

Существуетъ ли *качественная* разница между капитализмомъ и коммунизмомъ или разница существуетъ только *въ степени*?

Конечно, есть разница качественная и принципиальная, какъ между предѣломъ и приближеніемъ къ предѣлу, какъ между прямой и кривой. Возрастаніе болѣзни имѣетъ своимъ предѣломъ смерть. И, конечно, есть качественная разница между болѣзью и смертью. Капиталистическая болѣзнь общества состоитъ въ *извращеніи субъективнаго права*, права собственности, свободы договора, автономіи частнаго хозяйства (подобно тому, какъ болѣзнь современной демократіи есть извращеніе политической автономіи), это извращеніе коммунизмъ предлагаетъ устранить посредствомъ *уничтоженія субъективнаго права*, права собственности, свободы договора, автономіи, — т. е. посредствомъ уничтоженія того, что въ капитализмѣ является остатками прежняго здоровья общества, остатками права и справедливости.

Что можемъ мы сказать принципиально въ защиту капитализма? Конечно, капитализмъ есть рай земной по сравненію съ коммунизмомъ и въ частности рай для рабочихъ и крестьянъ: бѣднякъ еще можетъ сдѣлаться среднякомъ, среднякъ — кулакомъ... Здѣсь еще есть надежда на жизнь, на счастье на свободу. Болѣзнь небезнадежна, ибо еще теплится жизнь. Предпочтемъ ли мы «стабилизацию капи-

тализма»? Въ силу усталости отъ пребыванія въ русскомъ коммунизмѣ, въ силу отвращенія къ опытамъ социальной вивисекции и дрессировки, въ силу, наконецъ, моральнаго чувства къ остаткамъ права и свободы въ капитализмѣ, — конечно предпочтемъ для себя, для близкихъ и родныхъ, для всего несчастнаго послѣвоеннаго поколѣнія. Но кто хочетъ не только передышки, кто смотритъ впередъ, тотъ долженъ помнить, что стабилизация капитализма есть *стабилизация болѣзни*. Она нежелательна и невозможна: болѣзнь не стабильна, она движется или къ выздоровленію или къ ухудшенію и общество не стабильно, оно динамично, оно растетъ или увядаетъ. И нельзя желать стабилизации болѣзни: плохое утѣшеніе для больного, что иначе будетъ еще хуже; особенно нельзя рекомендовать «стабилизацию» тѣмъ, кто наиболѣе страдаетъ отъ болѣзни капитализма: существуетъ отчаяніе и оно можетъ предпочесть коммунистическую смерть лишь бы избавиться отъ невыносимаго положенія (*Tant pis, il faut changer!*).

Однако, вовсе не вѣрно, будто болѣзнь капитализма необходимо и фатально развивается въ сторону *концентраціи*, имѣющей своимъ предѣломъ коммунизмъ, какъ это думалъ Марксъ. Такой фатальности не существуетъ. И здѣсь, въ своей главной социологической концепціи, марксизмъ терпитъ полное крушеніе.

Коммунизмъ дѣйствительно доводитъ до крайняго предѣла и концентрируетъ всѣ болѣзни капитализма, но коммунизмъ есть не единственное направленіе для развитія общества: существуетъ другое, противоположное; внутри капитализма возможно обратное движеніе, своего рода самоизлѣченіе и оно необходимо должно итти въ направленіи обратномъ концентраціи, направленіи антикоммунистическомъ — къ децентрализации капитала. Такое движеніе мы имѣемъ въ Америкѣ. Рабочіе становятся акціонерами предпріятій. Происходитъ изумительный процессъ демократизации состава хозяевъ въ промышленности и получателей прибылей. Мы имѣемъ новыя явленія «рабочихъ капиталовъ», помѣщеніемъ которыхъ занимаются спеціальныя рабочіе банки. Рабочія организации въ Америкѣ уже не ограничиваются скромными цѣлями взаимопомощи и организации забастовокъ — онѣ стали міровой финансовой силой, обсуждающей вопросъ о томъ, не взять ли имъ въ свои руки желѣзныя дороги Америки. Съ другой

стороны, на ряду съ такимъ «рабочимъ капитализмомъ» развивается и капитализмъ «потребительскій», кооперативный. Такъ акціи цѣлаго ряда электрическихъ обществъ перешли въ руки потребителей энергіи. А Кулишеръ вполне справедливо предвидитъ, что большинство старыхъ и «устоявшихся» предпріятій можетъ перейти въ руки рабочихъ союзовъ или кооперативныхъ организаций, а для крупнаго частнаго капитала останется пионерская роль: организация новыхъ предпріятій и новыхъ отраслей промышленности.

Что это: «рабочій капитализмъ» или социализмъ? Нѣтъ, это крайняя противоположность капиталистической и коммунистической концентраціи. Здѣсь нѣтъ никакой тираніи, никакихъ правонарушеній, никакихъ ограбленій, никакой революціи. Все, что въ капитализмѣ есть здороваго и цѣннаго, здѣсь усиливается и возрождается: все построено на развитіи субъективнаго права, на возстановленіи свободы договора и на развитіи свободы союзовъ, всего того, что отрицается принципиально коммунизмомъ и частично всякимъ социализмомъ. Удивительнымъ образомъ здѣсь сохраняется и абсолютная свобода конкуренціи и все то цѣнное, что въ ней заключено; частный предприниматель и частный инициаторъ можетъ оказаться талантливѣ всякой кооперации и всякой рабочей организации; тогда онъ побѣдитъ въ свободномъ состязаніи, но можетъ произойти и обратное явленіе. То, что здѣсь совершается — есть возстановленіе автономіи частнаго хозяйства, составляющей настоящую и подлинную экономическую и правовую цѣнность антисоциалистическаго характера. Направленіе этого движенія прямо противоположно всякому социализму и коммунизму: черезъ демократизацию промышленности къ идеалу безвластной организации (анархическій предѣлъ всякаго либерализма).

* * *

Откуда могло возникнуть странное мнѣніе, что социализмъ и коммунизмъ занимается освобожденіемъ рабочихъ и крестьянъ? Что общаго между коммунизмомъ и рабочими? Откуда явилась мысль, что социализмъ есть единственный отвѣтъ на «рабочій вопросъ»?

Европейскіе рабочіе все еще не могутъ догадаться, что социализмъ есть вполне правильный отвѣтъ, но на совсѣмъ иной

вопросъ, мало для нихъ пріятный — на вопросъ: *какъ властвовать надъ рабочими?* Платонъ, творецъ коммунизма, именно такъ понималъ «рабочій вопросъ»: какъ сдѣлать, чтобы правители-философы и стражи властвовали надъ ремесленниками и земледѣльцами? Съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось въ постановкѣ вопроса.

Намъ скажутъ: но неужели можно игнорировать тотъ фактъ, что социалисты и коммунисты заботятся о рабочихъ, о ихъ жизни, о ихъ здоровьи, о количествѣ ихъ труда, даже порою (если они не марксисты) искренно любятъ рабочихъ? Можно ли забыть Жореса, покоящагося въ Пантеонѣ? Это несомнѣнно, и даже необходимо: наѣздникъ любитъ лошадь, на которой онъ выигрываетъ призы, и погонщикъ любитъ своего осла; осель можетъ ему довѣрить свою судьбу: онъ не дастъ ему умереть съ голода, будетъ даже лѣчить и давать отдыхъ; одно, въ чемъ нельзя быть никогда увѣреннымъ: онъ можетъ продать своего осла.

Платонъ требовалъ коммунистической власти надъ рабочими и крестьянами *во имя идеи*; иной «партиецъ» тоже вообразить, что нужно властвовать надъ ними *во имя идеи* и даже видные теоретики партіи иногда къ этому склонялись. Но истинный философъ марксизма не можетъ допустить такого платоническаго идеализма: въ материалистическомъ міросозерцаніи нѣтъ мѣста идеямъ и ничего не дѣлается во имя идеи — все дѣлается во имя интереса и матеріальной выгоды, все есть надстройка надъ экономическимъ фундаментомъ. Интересъ и матеріальная выгода властвования надъ рабочими и крестьянами — очевидны. Таково материалистическое объясненіе существованія коммунистической партіи.

Но, можетъ быть, интересъ и выгода властвующихъ совпадаютъ съ интересомъ и выгодою подвластныхъ? Можетъ быть интересъ партіи совпадаетъ съ интересомъ и выгодами рабочихъ и крестьянъ? Такъ что послѣднимъ выгодно вручить власть «компартіи»? Это означало бы, что ослу выгодно вручить власть погонщику; его собственное благо требуетъ полного повиновенія: тогда онъ будетъ сытъ и цѣль. Замѣчательно, что такимъ именно путемъ Аристотель доказывалъ цѣлесообразность рабства — путемъ совпаденія интересовъ: существуютъ рабы по природѣ, ихъ подчиненіе выгодно имъ самимъ. Это разсужденіе будетъ убѣдительнымъ для рабочихъ

и крестьянъ только въ томъ случаѣ, если они признаютъ себя рабами по природѣ или ослими. Русскіе рабочіе и крестьяне давно почерпнули эту мудрость изъ пережитаго трагическаго опыта. Удастся ли ее какъ нибудь и когда нибудь передать западной Европѣ? Но неужели никакіе рабочіе, кромѣ русскихъ, не догадались о томъ, что социализмъ вообще не имѣетъ ничего общаго съ рабочимъ вопросомъ и нуженъ только тѣмъ, кто никогда не былъ рабочимъ и никогда не собирается имъ стать? Такіе рабочіе есть! Кое-кто до этого додумался, и прежде всего Предсѣдатель Американской Федерациі Труда, глава и истинный представитель американскаго рабочаго движенія — Самуэль Гомперсъ. Онъ является несомнѣннымъ представителемъ американскаго рабочаго движенія, самага сильнаго въ смыслѣ организациі и самага пролетарскаго по своему составу. Оно состоитъ изъ дѣйствительныхъ рабочихъ и опирается на демократически организованные профессиональные союзы и самъ Гомперсъ былъ настоящимъ рабочимъ. И вотъ все это движеніе вовсе не связано съ социалистической идеологіей и даже по своему духу является рѣзко антисоциалистическимъ. Громадный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ посмертная автобіографія Гомперса, только что появившаяся (онъ умеръ въ 1925 г.). Гомперсъ убѣжденъ, что профессиональное рабочее движеніе совершенно не нуждается ни въ какомъ социализмѣ, т. к. социализмъ совсѣмъ не разрѣшаетъ рабочаго вопроса и вообще никакого социальнаго вопроса не разрѣшаетъ: «съ экономической точки зрѣнія вы ошибаетесь (такъ онъ обращается къ социалистамъ), съ социальной точки зрѣнія вы неправы, съ промышленной точки зрѣнія вы невозможны». Этотъ дѣйствительный представитель общественаго мнѣнія американскихъ рабочихъ, «король четвертаго сословія», наложившій свое «veto» на всѣ проекты признанія большевиковъ, тотъ, согласія котораго президентъ Вильсонъ спрашивалъ передъ объявленіемъ войны — онъ одинъ высказалъ то, что для банальныхъ социалистическихъ писаній кажется ошеломляющимъ парадоксомъ: что Совѣтская система является *дѣйствительнымъ выраженіемъ социализма*. Вотъ надъ этимъ стоитъ задуматься: глава американскихъ рабочихъ отказался признать коммунизмъ, т. к. онъ преступно нарушаетъ права и интересы рабочихъ. Нужно

еще имѣть въ виду, что Америка есть страна, въ которой лучше всего живетъ рабочимъ, тогда какъ нигдѣ рабочимъ не живетъ такъ плохо, какъ въ единственномъ социалистическомъ государствѣ міра.

* * *

Но и во Франціи, постоянно носившейся съ социализмомъ, былъ мыслитель, уже давно высказавшій то положеніе, что социализмъ совершенно *не нуженъ рабочимъ* и совершенно не рѣшаетъ рабочаго вопроса и социальнаго вопроса. Этимъ мыслителемъ былъ Прудонъ, къ голосу котораго начинаетъ все болѣе и болѣе прислушиваться французскій синдикализмъ; быть можетъ онъ будетъ наконецъ услышанъ и широкими кругами французскихъ рабочихъ. Сила Прудона въ томъ, что онъ принялъ въ свое сердце и выразилъ своимъ разумомъ все цѣнное, благоразумное и правомѣрное, что есть въ стремленіяхъ рабочихъ къ освобожденію и къ борьбѣ съ эксплуатацией. Будучи глубочайшимъ *противникомъ капитализма*, онъ однако пророчески предвидѣлъ и предсказалъ, что социализмъ и коммунизмъ будутъ еще гораздо худшимъ всеобщимъ угнетеніемъ. Рабочій вопросъ здѣсь рѣшается такъ: все населеніе обращается въ пролетаріатъ*) управляемый абсолютной властью такъ называемыхъ «соціалистовъ». Всѣ социалисты на вопросъ о томъ, какъ реализовать ихъ утопіи, отвѣчаютъ одинаково: необходимо немедленно вручить имъ, социалистамъ, всю *власть* и все *богатство* страны.***) Такимъ образомъ социалистическіе правители становятся монополями капиталистами и коммунизмъ превращается въ каррикатуру капитализма.***) Вожди социализма необходимо

*) «Chacun est ouvrier national, et travaille au compte de l'État, qui ne paye personne»... Proudhon. Philos. de la misère. Oeuvres compl. Paris 1923. Ed. Marcel Riviere. Vol. II, p. 284.

***) Ib. 270, 272.

***) «Chaque fois qu'il essaye de se reproduire il se résout en une caricature de la propriété». Ib. 258. Когда Прудонъ нападаетъ на собственность, онъ всегда имѣетъ въ виду *капиталистическую* собственность. Для него ясно, что коммунизмъ есть предѣльный капитализмъ: «La communauté c'est la propriété! Ceci ne se com-

становятся эксплуататорами и угнетателями.**) Вотъ почему рабочіе прежде всего, а затѣмъ и всѣ друзья свободы и раскрѣпощенія должны съ отвращеніемъ отбросить такое рѣшеніе социальнаго вопроса. Прудонъ даетъ имъ такой завѣтъ, въ которомъ выражаетъ свое основное убѣжденіе свое profession de foi и свой критерій:

«Quiconque pour organiser le travail fait appel au pouvoir et au capital a menti, parce que l'organisation du travail doit être le déchéance du capital et du pouvoir».**)»

Прудонъ такъ современенъ, такъ свѣжъ и такъ новъ, по сравненію съ рутинной социализма) именно потому, что утверждаетъ *антикапитализмъ* и *антиэтноцизмъ*; его паеосъ есть паеосъ свободы, права и справедливости, и коммунизмъ онъ отвергаетъ, какъ абсолютное нарушеніе свободы, какъ худшій видъ монопольнаго капитализма и государственнаго абсолютизма. Принципъ коммунизма, говоритъ Прудонъ, есть *диктатура*: диктатура индустриіи, диктатура торговли, диктатура мысли, диктатура социальной жизни и частной жизни, диктатура — вездѣ. Такова его догма, въ согласіи съ Платономъ, Робеспьеромъ, Наполеономъ и Луи Бланомъ. Коммунизмъ неизбѣжно приводитъ къ *абсолютизму*. И тщетно указаніе на то, что это абсолютизмъ «переходный»: «La transition est éternelle!»***)

Прудонъ былъ самоучкой въ философіи и не обладалъ философскимъ богатствомъ, но все-же мы не встрѣчаемъ у него той «нищеты философіи», которую неизмѣнно обнаруживаетъ Марксъ и за нимъ современные социалисты. Прудонъ умѣетъ ви-

prend plus et pourtant c'est indubitable» (ib. 301). «Il n'y a rien dans l'utopie socialiste qui ne se retrouve dans la routine propriétaire» (ib. 293).

*) «Inégalité dans le partage des biens... voila ce que veulent ces reformateurs hypocrites, a qui la justice, la raison, la science ne sont rien pourvu qu'ils commandent aux autres et qu'ils jouissent. Ce sont, en tout, des partisans déguisés de la propriété: il commencent par prêcher le communisme, puis ils confisquent la communauté au profit de leur ventre». ib. 276-277.

***) Ib. 310.

***) Ib. 301. Коммунизмъ есть *полицейская* организациія индустриіи. Ib. 293.

дѣть сущность и чувствуетъ историческую связь идей. Онъ понимаетъ напр., что коммунизмъ есть предѣльное выявление сущности социализма*), онъ чувствуетъ, что Платонъ выразилъ идею коммуны.

* * *

Прошли долгіе вѣка индивидуальной тирани и индивидуальнаго преступленія и наступилъ вѣкъ социальной тирани и социального преступленія. Социальное преступленіе безконечно страшнѣе индивидуальнаго. Одинъ депутатъ коммунистъ во французскомъ парламентѣ, отвѣчая на обвиненія партіи въ убійствѣ лицъ, присутствовавшихъ на избирательномъ собраніи, сказалъ: «мы не признаемъ индивидуальнаго террора, мы признаемъ только массовый». Это значитъ: мы кладемъ въ основу принципъ социального преступленія. Задача международнаго коммунизма организовать социальное преступленіе «въ мировомъ масштабѣ». Индивидуальное преступленіе проходитъ, забывается; социальное преступленіе пребываетъ, увѣковѣчивается памятниками, на немъ воздвигается мнимое благосостояніе презрѣнныхъ массъ, оно не знаетъ раскаянія, ибо легализуется, возводится въ законъ, въ принципъ, въ идею. Революціонная идеологія есть самооправданіе и самовосхваленіе социального преступленія; но точно также идеологія тиранически-инквизиціонная; и каждый революціонеръ — это надо помнить — мгновенно превращается въ великаго или маленькаго инквизитора. Отъ *contrat social* Руссо до коммунистическаго манифеста продолжалась разработка идеологіи социального преступленія и социальной тирани. Сходство того и другаго въ томъ, что *volonté générale, la commune* желала совершать преступленія и провозглашала: все позволено во имя коллектива.

Идеологія преступленія знаетъ два пути: одинъ — отрицаніе всякихъ абсолютныхъ (мистическихъ) запретовъ, «все позволено» и нѣтъ различія между добромъ и зломъ; другой путь — оправданіе преступленія какой либо возвышенной и обыкновенно безконечно далекой цѣлью. Руссо, Робеспьеръ и всѣ сентиментально-риторическіе

палачи революціи избирали второй путь. Марксистскій коммунизмъ избралъ оба. Онъ поставилъ проблему сначала такъ: какое міросозерцаніе отрицаетъ преступность преступленія и даетъ «все позволено»? И нашелъ рѣшеніе: безрелигіозный материализмъ. Достоевскій раскрылъ смыслъ этой діалектики преступленія. Безрелигіозный материализмъ есть то міросозерцаніе, на которомъ маркизъ де-Садъ съ изумительной послѣдовательностью строилъ свое кощунственное обоснованіе преступленія и вражды къ Богу. Марксъ во всемъ несамостоятельный эклектикъ, и здѣсь имѣетъ за собою солидный авторитетъ. Де-Садъ отлично зналъ и діалектику «экспроприаціи экспроприаторовъ». Онъ именно утверждалъ, что всѣ суть грабители и ничтожества, а потому всѣхъ можно грабить и уничтожать. Онъ стоить только на несравненно болѣе невинной точкѣ зрѣнія индивидуальнаго преступленія. Для него преступленіе и ненависть есть еще *Privatsache*.

Напротивъ, Марксъ социализировалъ, обобществилъ ненависть. Впрочемъ, всякая революція обобществляетъ орудія производства преступленія: гильотина не можетъ быть частной собственностью. Этому не допускаетъ принципъ социализаціи преступленія.

Самыя великія преступленія, совершенныя на землѣ — были *социальными преступленіями*. Они не были совершены индивидуальными преступниками, корыстолюбцами или безумцами, рисковавшими головою. Достаточно вспомнить отравленіе Сократа и распятіе Христа. Преступленія революцій тоже были социально организованными и социально оправданными преступленіями и они имѣли своихъ теоретиковъ и свою идеологію. Тотъ, кто наблюдалъ самъ или созерцалъ въ памяти исторіи ту низкую жажду преступленія, которая неудержимо захватываетъ революціонную чернь и революціонныхъ инквизиторовъ, не можетъ не спросить себя: неужели «гуманно прогрессивныя» идеи какого нибудь Руссо или Маркса сами по себѣ и непосредственно рождаютъ эту злобу? Или, напротивъ, всѣ поддонки души и подонки челоуѣчества жадно схватились за какую то «идею», чтобы имѣть право совершать преступленія? «Идея» эта, большей частью, никѣмъ ясно не мыслится, и весьма различна въ различные вѣка, но одно неизмѣнно и устойчиво: наличность «добровольцевъ», жаждущихъ броситься совершать

*) «Социализмъ» и «коммунизмъ» вездѣ употребляются *promiscue*. См. напр. *ib.* 280: «*La communauté ou le Socialisme*»...

безнаказанныя и оправданныя преступления.

Существуют ли революционеры и великіе инквизиторы, которые до конца уговорили себя, что совершаемыя ими преступления суть подвиги? Едва-ли. Достоевскій колебался въ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но если бы такое самоубѣжденіе было достигнуто, то, конечно, это было бы предѣломъ преступности. Ибо, если Сократъ считалъ предѣломъ глупости дурака, считающаго себя мудрецомъ, то предѣлъ низости — это злодѣй, воображающій себя благодѣтелемъ человѣчества.

Такого рода благодѣтели и друзья человѣчества рѣдко стоятъ на точкѣ зрѣнія неразличенія добра и зла; чаще всего они предпочитаютъ оправдывать зло какой либо прекрасной и безконечной далекой цѣлью: терроръ, диктатура, тиранія «къ сожалѣнію необходимы» для грядущаго царства свободы, которое, конечно, придетъ не скоро, очень не скоро. Если официальные и прогрессивные историки французской революціи нѣсколько смущенно говорятъ о Сентябрьской рѣзнѣ, какъ «излишней жестокости», которая, однако, дала возможность *многаго достигнуто* въ смыслѣ республиканскаго благосостоянія, — то все же они должны признать, что грядущее царство свободы, требуемое теоріей прогресса, по прежнему предстоитъ въ безконечномъ удаленіи и необходимы «къ сожалѣнію» новыя жертвы, чтобы еще приблизиться къ этому свѣтлому царству... и т. д. до безконечности. Безконечно далекаго идеала обезпечиваетъ безконечную возможность совершения преступления, любовь къ дальнему санкционируетъ безконечную ненависть къ ближнему.

Таковъ революціонно — прогрессивный принципъ, оправдывающій преступленіе. На немъ покоится теорія социальной революціи и диктатуры пролетаріата, на немъ покоится коммунизмъ и въ значительной степени современный социализмъ. И онъ въ извѣстномъ моментѣ логически и исторически совпадаетъ съ консервативно-инквизиціоннымъ принципомъ. Тотъ и другой имѣютъ общую предпосылку въ своей политикѣ. Она навѣки запечатлѣна Каиафой:

«Вы ничего не знаете и не подумаете, что лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели, чтобы весь народъ погибъ».

Вотъ вѣчная формула социального оправданія преступления: весь народъ — это

la commune, коллективъ. Согласно этой формулѣ былъ распятъ Сынъ Человѣческой и долго еще будутъ распинаться сыны человѣческіе.

Можно безконечно измѣнять и ослаблять содержаніе этой формулы, но она всегда останется формулой преступления; можно сказать: лучше у одного отнять, нежели чтобы другіе были лишены... Лучше одного лишитъ правъ и унижить, нежели чтобы другіе были лишены правъ и унижены... и т. п. *) Однако никогда и ни въ какихъ революціяхъ она не примѣнялась въ такомъ ослабленномъ видѣ: безкровныхъ революцій не бываетъ.

Но формула Каиафы вовсе не есть только революціонная формула: Каиафа не былъ революціонеромъ и Сократъ былъ отравленъ не революціоннымъ, а консервативно-реакціоннымъ демократическимъ большинствомъ. Здѣсь должно наступить нѣкоторое смятеніе въ головахъ у тѣхъ, кто отождествляетъ консерватизмъ съ добромъ и революціонность со зломъ, совершенно также, какъ и у тѣхъ, кто поступаетъ наоборотъ; то и другое есть особая форма моральнаго идиотизма, распространившагося въ XIX вѣкѣ. Прогрессисты и консерваторы, революціонеры и реакціонеры могутъ совпадать въ своемъ отношеніи къ социально-оправданному преступленію. Революціонеръ, захватившій власть, мгновенно становится охранителемъ и инквизиторомъ. «Великій инквизиторъ» тождественъ съ Шигалевымъ — онъ есть послѣднее слово реакціоннаго рабства и послѣднее слово прогрессивно-коммунистической религіи человѣчества. Пунктъ тождества того и другого есть абсолютное уничтоженіе индивидуальной свободы и свободной индивидуальности. Это и есть сущность преступления (человѣкоубійство), и революціонеръ, напр. Марксъ, болѣе чѣмъ кто либо обязанъ признать свою «диктатуру пролетаріата» — преступленіемъ, равно какъ «деспотическое вторженіе въ право собственности» (вы-

*) Пусть не скажетъ кто либо, что неправда этой формулы раскрыта Кантомъ: дѣйствуй такъ, чтобы *человѣчество*, какъ въ твоёмъ лицѣ, такъ и въ лицѣ каждаго другого, никогда не было для тебя только средствомъ, а всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлью. Эту формулу соблюдалъ и Робеспьеръ: *человѣчество* всегда было для него цѣлью, даже въ лицѣ казнимыхъ!

раженіе коммунистическаго манифеста), другими словами, грабежъ и убійство, — ибо принципомъ всякой оцѣнки является для него «царство свободы».

Но существуетъ и другое міросозерцаніе: такое, которое съ отвращеніемъ отвергаетъ всякое благосостояніе, построенное на человѣкоубійствѣ, всякое обогащеніе, построенное на отнятіи, всякое освобожденіе, построенное на порабощеніи.

Нельзя разрѣшить себѣ преступленіе, хотя бы оно было уничтоженіемъ скверной старушенки или мученіемъ ребенка, необходимымъ для «блага человѣчества». А если разрѣшить, то это значитъ встать на путь Каиафы. Для христіанина вопросъ этотъ рѣшенъ. Но и для не христіанина, въ сердцѣ котораго есть еще законъ совѣсти, въ душѣ котораго есть еще честь и справедливость — вопросъ рѣшается также. Если бы дѣйствительно *удалось* на нѣкоторыхъ «необходимыхъ и неизбѣжныхъ» преступленіяхъ построить общее благосостояніе, обогащеніе и даже справедливое устроеніе, то оно было бы особенно мерзкимъ, гнуснымъ и обреченнымъ на вѣчное проклятіе и своею удачею безмѣрно увеличило бы тяжесть грѣха и преступленія. Есть ли что презрѣннѣе преступника, устроившаго на плодахъ преступленія ти-

хую, скромную, добродѣтельную семейную жизнь? А если такая жизнь устраивается не индивидуальнымъ, а социальнымъ преступленіемъ, то ее называютъ «завоеваніями революціи»! Только низкая чернь, не знающая никакой чести, можетъ мечтать о честной и мирной жизни добрыхъ гражданъ, которая будетъ построена на убійствѣ Андре Шенье, Лавуазье, короля и королевы и безчисленныхъ, невинно-казненныхъ жертвъ.

Удавшееся преступленіе, конечно, хуже неудавшагося. Но великая милость Провидѣнія состоитъ въ томъ, что революціи *никогда не удаются*, также какъ и тираніи: онѣ разрушаются тираніями, также какъ и тираніи разрушаются революціями. И дурная безконечность этого порочнаго круга, которую замѣтилъ еще Платонъ, хотя и не зналъ истиннаго выхода изъ нея, есть дурная безконечность грѣха и преступленія. Достаточно какой нибудь революціи провозгласить: «хлѣбъ, миръ и свобода» (а это провозглашали всѣ революціи), — какъ начинается голодъ, война и тиранія! Въ этомъ «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ», въ этомъ великая милость Божія не дающая человѣку успокоиться на преступленіи и на плодахъ его.

Б. Вышеславцевъ.